

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дима Сандманн

МАНИПУЛЯТОР

*роман в ста главах
и трех частях*

Дима Сандманн
Манипулятор. Глава 029

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25290493

SelfPub; 2022

Аннотация

"Манипулятор" – книга о стремлениях, мечтах, желаниях, поиске себя в жизни.

Содержит нецензурную брань.

Дима Сандманн

Манипулятор. Глава 029

ГЛАВА 29

Ее звали Наташа. Имя я узнал от прыщавой Полинки. Чувствовал я себя не важно, но ноги сами понесли в клуб. Я пробыл там со вторника всю следующую неделю. Наташа не появлялась. В пятницу я уже начал нервничать, понимая, что скорее всего, она явится в выходные. В тот вечер крепко выпил. В субботу все повторилось – она не пришла, я снова напился. Следующим утром меня придавила жуткая депрессия. Мечась в тупике сознания, я пытался понять, что со мной происходит. Было ощущение, будто я нахожусь в жизненной клетке, стены которой медленно сжимаются. Вечером я сбежал от гнетущих мыслей в «Чистое небо». Я там пил и уже не ждал блондинку. Последняя двойная, девятая по счету, оказалась лишней. Я перешел грань и к трем часам ночи был абсолютно пьян. Уже почти вися на стойке, я что-то мычал бармену, но чувствовал, как губы не слушались и слова не клеились. Мне стало стыдно. Ведь меня тут все знали. Да, я выпивал, но всегда уходил на своих ногах. И вот напился. Я еле мог идти, меня мотало из стороны в сторону, спасали от падения лишь узкие стены бара. Стараясь держаться ровно, я пошел на выход. Но дойдя до стула охран-

ника у гардероба, обмяк на нем. Музыка стихла, посетители потянулись к гардеробу за верхней одеждой, стали толпиться и галдеть рядом. Я продолжал сидеть. На удивление мозг был чист – я все понимал, все слышал и видел, но ощущал себя тряпкой. Мало-помалу посетители разошлись. Домой не хотелось совсем. Меня там никто не ждал. Меня нигде никто не ждал. Отчаяние подкатил к горлу, грудь сдавило. Я поднял голову и обомлел, желая сию же секунду провалиться под землю. Передо мною стояла Наташа. Она улыбалась, глаза ее блестели. Девушка с кем-то разговаривала позади меня. Я скосил туда глаза. Один из охранников. Щерился на блондинку масляными глазами. Та цвела в ответ.

– Привет, – улыбнулась она мне и продолжила с охранником. – Поинка тут?

– Да, тут еще, иди, пройди к ней! – сказал тот, и Наташа прошла вглубь заведения.

Отчаяние внутри меня взорвалось и сильнее перекрыло воздух. Я пару раз тяжело вздохнул, желая вернуть нормальное дыхание. Не помогло. Изнутри давило все сильнее, я начал задыхаться. Дикая волна жалости к себе накрыла меня, и на глазах появились слезы. Я задышал сильнее, изо всех сил сдерживая их. Слезы замерли. Боясь обронить хоть одну на пол, я не моргал. Не желая, чтобы хоть кто-нибудь увидел мои слезы, я склонил голову ниже, будто сижу совсем пьяный. Мне было нестерпимо плохо. Я был никому не нужен. Даже этой дуре Лиле был не нужен. Я сидел совершенно

одиноким, пьяным и несчастным. Перед лицом стоял образ Наташи. Она улыбалась. Девушка была идеальна. Она стояла в видении так близко и была абсолютно недостижима. Вторая волна отчаяния и саможалости накатила изнутри. Я вновь задышал часто. Слезы брызнули из глаз, я незаметно их вытер.

«У тебя никогда не будет такой девушки!» – отчетливо услышал я свой внутренний голос. И, словно обреченный на вечное прозябание в одиночестве, я встал и незаметно для всех пошел прочь.

Я не стал звонить знакомому «бомбиле», пошел не к гостинице, а срезал путь мимо кинотеатра и специально пошел через безлюдный ночной парк. Слезы вновь накатили, и я заплакал навзрыд. Вскоре стало легче. Я пошел дальше и, наполовину протрезвев, поймал случайную машину и приехал домой. Родители спали. Я разделся до трусов и замер перед зеркалом в коридоре. Оттуда на меня смотрел малопривычный тип. Неплохо сложенный, но уже с признаками деградации. Тело выглядело дрябло. Живот свисал складкой, опухшее и мятое лицо с кожей нездорового цвета выглядело ущемлено. Глаза смотрели безнадежно и грустно взглядом загнанного и не видящего выход зверя, смирившегося со своей участью. Я глядел себе в глаза и тяжело дышал. Сердце стучало гулко, отдавая алкоголем в виски. Я сосредоточился на глазах, стараясь разглядеть радужную оболочку и нырнуть взглядом внутрь. Я видел в них огонь жизни. Он еле тлел, но

был жив. Желудок, вдруг, дернулся в спазме, и тихая ноющая боль сменилась острой. Я сжал мышцы пресса, но боль выросла. Я нажал пальцами в солнечное сплетение, в хорошо знакомое место как на кнопку, чтобы отключить боль. Пальцы уперлись в напряженный спазмом пищевод. Я надавил сильнее – боль резко усилилась. Злясь на себя, я сжал зубы и надавил снова – желудок стало резать изнутри. Возненавидев себя, я ударил кулаком в солнечное сплетение. Желудок дернулся. «Мучайся», – мысленно вынес я себе приговор и с садистским удовольствием ударил в то же место. Боль плеснула в ответ. Я сжал зубы сильнее и сильнее ударил. Желудок начало дергать. Еще удар! Еще! Еще! Желудок задергался в беспорядочных спазмах, словно меня кромсали изнутри. К горлу подкатила тошнота. Я зашел в туалет, встал на колени, и меня вырвало в унитаз. Я вздохнул облегченно. Второй спазм дернул желудок снизу, и через рот и нос в унитаз ударил новый фонтан. Еще спазм, результат такой же, но чуть слабее. Руки и ноги сразу ослабли, лоб и спину прошиб пот. Затишье и еще три спазма. Желудок был уже почти пуст. Снова пауза. Я сплюнул. Вытер слезы. Желудок дернулся последний раз и затих. Я снова сплюнул, вытер рот туалетной бумагой. Тело не слушалось. Я разглядел в унитазе несколько капель крови. Безразлично отвернулся и дернул за рычаг. Едва подняв руку и ухватившись за ручку двери, я с трудом встал на ноги и, качаясь, вышел в коридор. В зеркале вновь показался тот же измученный тип. Глядя на свое отражение,

я понял, что не хочу жить. Апатия и безразличие пропитали меня. Боль в желудке столь долго была со мной, что казалось, будто я с ней родился. «Ты говно», – пронеслось снова в моей голове. Я отчетливо понял, что сию секунду нахожусь в той точке начала деградации, за которой нет возврата. Еще шагок и все – я поеду вниз на дно жизни. Дикий страх тут же проник в меня и ледяным холодом поднялся по позвоночнику. В груди в ответ истерично забился слабый человечек – он хотел жить и задышался, словно уже лежал в тесном гробу и сверху жизнь вот-вот начнет забрасывать его землей. Сначала он истерил, после закипел злостью и решил бороться. «Все, закончил с этим, борись!» – сказал я мысленно отражению. Болей не было. Желудок замер, словно отключился. Я почти протрезвел. Меня колотил мелкий озноб, кружилась голова, слабость оплела тело. Шатаясь, я выключил свет, лег в кровать, поджал ноги и свернулся калачиком – отгородился от внешнего мира мысленным коконом и отключился в забытии. Кокон начал греть меня изнутри. Я провалился в сон, и в нем увидел себя здоровым стройным с открытой улыбкой и давно забывшим, что такое любая боль – я смотрел на окружающий мир и будто парил над ним.

Утром я попробовал встать с кровати и не смог. Тело совсем обессилило за ночь, желудок болел и ныл. Я пошарил рукой подле кровати, нащупал бутылку минеральной воды и сделал несколько глотков. Вода потекла в желудок и резану-

ла его, усилив боль. Я снова закрыл глаза и пролежал так с полчаса. После, собрался с силами, встал и, шатаясь, скрюченный пошел в ванную комнату.

– Что случилось? – взволновалась мать, встретившись со мной в коридоре.

– Желудок... – тихо произнес я.

– Опять!?! – недовольно взвилась та.

Я промолчал, глянул на мать и зашел в ванную.

– Жрешь что попало, вот он у тебя и болит постоянно! – выдала мать в спину. – Что один мучился с желудком, что этот теперь! Боже, как мне все это осточертело просто!

Я закрыл за собой дверь, встал под душ. Желудок дергалось спазмами, в висках гулко стучало. Я настолько ослаб, что даже мочалкой водил по телу с трудом.

– Болит? – спросила мать сочувственно, едва я вышел из ванной. «Угу», – кивнул я и поплелся в кровать. Пока я шел, желудок резало, а когда лег – задергало тупой болью. В двери комнаты появился отец.

– Желудок? – лаконично строго произнес он. – Болит?

– Да конечно – желудок! – всплеснула руками мать. – Ест, что попало! Я ему давно говорила! Уже устала! Не слушает же! Вот! Пожалуйста! Допрыгался! Заработал язву!

Сил возражать не было. Отец подошел ближе, оценил мое состояние и произнес:

– Надо лечиться...

– Да, надо, – кивнул я, вытер со лба пот и закрыл глаза.

– Так, ладно, я за лекарствами, сейчас все принесу, – сказал отец и засобирався.

– Может, тебе каши манной сварить? – тихо произнесла мать.

– Да, ма... сварю... – сказал с усилием я.

– Ох, сынок, сынок! – вздохнула мать и пошла на кухню.

Тарелка каши вошла с трудом. Мать принесла ее к кровати. Желудок сначала ныл, но после первых ложек затих. Покончив с кашей, я без сил откинулся на подушку.

Мать вышла из комнаты. Следующие полчаса я боролся с изжогой, слыша сквозь дрему, как родители ругаются и перешептываются на кухне на повышенных тонах. Время замедлилось. словно жизненное колесо, в котором я барахтался, вдруг заклинило, и меня швырнуло об его стенки со всего маху. О выходе на работу не стоило и думать.

– Хорошо, Роман! – бодро ответил Сергей, едва я позвонил ему и все рассказал. – Давай, лечись сколько надо! Мы тут с Верком повоюем за троих, не переживай!

Дни потянулись однообразно. Мать суежилась подле меня насадкой. Она вышла из состояния анабиоза и принялась откармливать меня диетической едой. По утрам желудок болел меньше. Но ночами боли обострялись и не давали спать. Терпя их, я злился на себя. Каждую ночь я ненавидел себя за все прошлое, свои слабости и начавшуюся деградацию. Слабость злила больше всего. Она представлялась мне чем-то вязким, будто киселем. И я барахтался в нем, не желая

тратить силы на преодоление жизненных трудностей. «Слабак, слюняй, чмо, говно», – называл я себя мысленно повсякому, лишь бы вызвать к борьбе с собственной бесхребетностью. Нутро требовало действий. Я накручивал себя, раздувая в себе тот самый огонь жизни. Мать пичкала меня едой каждый час, отец, по ее требованию, ходил в магазин за нужными продуктами. К третьему дню у меня появился аппетит, но я все еще был слаб и сильно худ, голова кружилась постоянно. Сильные боли начинались к полночи и держали до трех-четырёх часов утра в мучительном напряжении. И так каждые сутки. Обезболивающие и лекарства не спасали. Я пил их ложками, но ночью эффекта как не бывало. Родители засыпали в своих комнатах, дом затихал, а я сворачивался калачиком под одеялом, зажимал желудок пальцами и терпел. Сначала он ныл, после наступала резь и спазмы. Время шло медленно, двигаясь вперед скудными каплями метронома – кап, кап, кап... Под утро боли уходили, и я, измученный, мгновенно засыпал.

– Тебе надо обследоваться, – с серьезным лицом сказал отец.

– Зачем? – сказал я. – Я и так знаю, что у меня язва. Ничего нового врач не скажет. Нужно просто нормально питаться и все...

– Ну так питайся! – вскипел отец. – Сам знаешь, что нужно делать и не делаешь!

Я промолчал, отец вышел из комнаты.

В пятницу в сопровождении матери я пошел в поликлинику. Впервые за неделю я оказался на улице. Желудок ныл, отзываясь на любые движения моего тела. Голова слегка кружилась. Мать поддерживала меня под руку. В регистратуре поликлиники сказали, что на гастроскопию надо приходиться натощак и с утра. Я записался на следующий день, и мы поковыляли домой. Остаток дня я привычно промучился, в ночь получил обострение, до пяти утра пролежал скрюченный и, обессилив, уснул.

– Все, можете вставать, – флегматично произнес врач, едва черный шланг вышел прочь из моего горла, и я жадно задышал ртом. Врач сел за стол и принялся писать.

– И как там у меня дела? – поинтересовался я, надевая ботинки и вытирая рот.

– Дела неважные... У вас операционный случай. Язва.

– То, что язва, я знаю... А что, без операции никак?

Врач продолжал писать, закончив, посмотрел на меня.

– У вас язва на входе в двенадцатиперстную кишку. В очень нехорошем месте. Она воспалилась и перекрыла проход. Поэтому еда не может пройти дальше по пищеводу.

– А если сделать операцию, то все пройдет? Какие шансы?

– Шансы пятьдесят на пятьдесят, – произнес врач. – Вы или забудете, про проблемы с желудком раз и навсегда или всю жизнь будете питаться жидкой пищей через трубочку!

Я представил себя и мать, кормящую меня подготовлен-

ной пищей, и вздрогнул.

– Доктор, ну, вы мне просто скажите... по-человечески... – произнес я, смотря тому в глаза. – Мне нужна эта операция? Или у меня так пройдет, если нормально питаться?

Врач закончил писать, оторвался от стола, вздохнул и закрутил меж пальцев ручку.

– Идите домой, не нужна вам эта операция... Диетпитание, режим и не нервничать... Язвы возникают и от нервов тоже! – протянул он мне заключение. – Будьте здоровы!

Настроение сразу улучшилось, будто приговоренному к расстрелу отменили казнь. Дошаркав домой, я съел кашу и лег спать. День прошел терпимо. В ожидании обострения я загодя выпил лекарства, но именно в эту ночную они не помогли совсем.

Рези начались в десять. Я лег привычно – на бок, поджав ноги и уперев пальцы в солнечное сплетение. Пережатый желудок болел в таком положении вполовину меньше. Натянутые от постоянных болей нервы обострили мою чувствительность до предела. Резь росла и к полуночи стала невыносимой. Желудок будто загорелся изнутри и его задергало спазмами. Рывки отдавали в нервы, заставляя непроизвольно дергаться ноги. В квартире было темно и тихо, родители уже спали. Метроном времени начал замедляться – кап, кап., кап., кап... Секунды будто падали на саму язву, и та каждый раз вспыхивала болью. Мозг заискрился всполохами мыслей. В бессчетный раз я начал злиться на себя и думать, что мое

теперешнее состояние, есть справедливая кара за образ жизни. Я не жалел себя физически и не хотел жалеть морально. Не выдумывал оправданий. Смотрел на ситуацию в лоб, давя жалость к себе в зародыше. Я вынес себе приговор – «виновен», и намерен был привести его в исполнение. «Никаких лекарств, буду лежать и терпеть», – решил я и стиснул зубы.

«По сути, твоя жизнь – говно... – говорил я себе, – тебе двадцать восемь лет, нет жены, нет детей, нет квартиры, нет машины, нет нормальных отношений с родителями, нет здоровья, нет...»

Временами я проваливался в забытие. Боль довела мозг и нервы до иступления. Час ночи, два, три – я лежал в темноте, смирившийся с любым дальнейшим ходом моей жизни. Все стало неважным и безразличным. Осознание собственной никчемности вдруг стало столь гнетущим и тяжелым, что я заплакал. Тихо, стараясь, чтоб никто не услышал мои всхлипы. Слезы потекли на подушку. Но легче не стало. Боль не унималась. Она жгла меня изнутри, плавя через раскаленные нервы все тело. Боль достигла апогея и...

Я выключился.

Сознание будто обнулилось. Какие-то картинки всполохами полетели сквозь мой мозг ниоткуда и в никуда. Они возникали и тут же гасли. И я увидел себя в них. Картинки казались знакомыми, будто я их видел и раньше. Но в них я еще не был...

Я включился.

Боль ушла, тело расслабилось. Я вытянул ноги и распрямился полностью. Желудок не реагировал. «Язва закрылась», – понял я и тут же осознал важность случившегося. Чья-то невидимая рука отсекла прошлое и положила в мое сознание чистую книгу будущего.

Я закрыл глаза и впервые за все эти дни уснул здоровым сном.

Боли прекратились, появился аппетит, и я резко пошел на поправку. Но увидев себя в воскресенье в зеркало, ужаснулся – напротив стояло тощее тело, потерявшее за неделю в весе около восьми килограмм.

В понедельник мне позвонила Вера и справилась на счет состояния. Я сказал, что все в порядке – выздоравливаю и скоро уже вернусь на работу.

– Ну, понятно, – произнесла Вера. – Выздоровливай тогда, приходи, как сможешь...

– Привет, Ромыч! – раздался бодрый голос напарника в трубке. – Как ты там!?

– Привет, Серый! – обрадовался я и расплылся в улыбке. – Да нормально я! Иду на поправку, со следующей недели уже вернусь в строй! Че там вы, как!?

– Да нормально все! – ободряюще выдал Сергей. – Лечись там спокойно! Можешь не беспокоиться, мы с Верой все сделаем тут вдвоем!

– Слушай, ты заказ в Москву на парфюмерию сделал!? – спросил я, не заметив, как мозг из режима отдыха перешел в рабочий.

– Не, пока не делал!

– А на складе есть еще остатки товара?

– Ну так... – засопел Сергей в трубку. – Есть немного, но ходовые позиций ушли все давно... Да че ты переживаешь!? Выйдешь на работу, и сделаем заказ вместе!

– Да я подумал, раз товар уже нужен, то чего ждать то? Прикинь, неделю без товара просидишь, а то закажешь, привезешь и будешь продавать!? Еще привезет вместо нас кто-нибудь сдуру...

– Ромыч, да никто его не привезет! Все только у нас его берут!

– Ну, это да... – согласился я.

– Так что ты не парься! – энергично продолжил Сергей. – Лечись! Выздоровливай! Выйдешь на работу, сразу же с тобой сделаем заказ. Тем более, че я один его буду делать, когда мы же работаем вместе!? Одна голова хорошо, а две лучше!

– Ладно, Серый, уговорил! – улыбнулся я, и мозг вернулся к отдыху.

– Ну вот! – гоготнул напарник в трубку. – Давай, выздоравливай!

– Спасибо, Серый, пока, до связи!

К вечеру вторника я чувствовал себя еще лучше. С удив-

лением обнаружил, что не курю больше недели, и не тянет вовсе. «Брошу курить, – решил я, – Надоело... не хочу».

Всю вторую неделю я ел, читал и спал. В голову лезли разные мысли. И все больше какие-то новые непонятные, вдруг зародившиеся и зажившие новой жизнью.

Уже в среду я совершил первую прогулку. Осторожно одевшись, словно идущий на поправку тяжелораненый, и вышел на улицу. Свежий воздух приятно пахнул мне в лицо прохладой. Снега еще не было, но природа доживала последние бесснежные дни. Натянув посильней шапку и подняв воротник пальто, я зашагал куда глаза глядят. Несмотря на то, что я устал почти сразу и тяжело задышал, мне было спокойно. Прогулка возвращала меня к жизни. Я просто шел и думал.

Оказавшись около торгового центра, я вошел внутрь. Там туда-сюда сновали люди, создавая атмосферу радостной суеты. Мне нужны были именно эти эмоции. Я окунулся в них и мне стало уютнее. На третьем этаже был книжный магазин. Ноги сами понесли меня к нему. Я зашел внутрь. Книги, их запах, тишина. Я заскользил взглядом по названиям, не зная, что именно мне надо. Я искал наитием. Нашел. Взял книгу в руки, раскрыл. «Хм, в стихах...» Пробежал глазами несколько строк. Читалось легко и интересно. Я купил книгу. В душе сразу стало радостно. Я понял – купил именно то, за чем шел! Улыбаясь покупке, я вышел на улицу и пошел домой, с полным осознанием того, что самое важное дело

дня сделано. И уже дома, вернувшись в кровать, я раскрыл книгу и начал читать:

1. Земную жизнь пройдя до половины, ¹⁻¹
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Телефон, который я купил для общения с Лилей, стал жечь руки. Я не мог его даже видеть и потому в одну из прогулок купил новый – черный аккуратный, приятно лежащий в ладони. Прежний я закинул в самый дальний угол стола и продолжил чтение.

– Какие люди! – расплылась в улыбке Вера, войдя в офис в понедельник 28 ноября и увидев меня на привычном месте в кресле за столом. – Привет! Выздоровел!?

– Да! – улыбнулся в ответ я и выставил ладонь для ритуального приветствия, Вера тут же звонко хлопнула по ней своей ладошкой. – Выздоровел! Привет, Серый!

Вошедший следом напарник, наигранно нахмурил брови и покачал головой, увидев наш ритуал, протянул мне руку. Я пожал ее.

– Выздоровел? – оставил наигранные серьезные нотки в голосе он.

– Как новенький! – развел руками я.

– Отдохнул заодно, да!? – произнесла Вера. – Или проле-

жал все дни дома?

– Сначала лежал. . . – пожал плечами я и вдруг вспомнил. – Курить бросил, прикинь!

– Да ты чё!!!??? – уставился на меня Сергей, уселся в кресло у двери, скрестил руки на груди и склонил удивленно голову вбок.

– Ого! Поздравляю! – произнесла Вера.

– Две недели уже не курю! – закивал я.

– И не тянет? – уточнила Вера.

– Неа! – замотал головой я. – Ну так. . . иногда мысли бьются, но я их сразу гоню. . .

– А я тоже как-то сразу бросил! – ввернул Сергей. – Как и ты, решил и бросил. И, прикинь, – Сергей поднял указательный палец, – один из всей нашей компании бросил!

– Да у меня тоже все кругом курят. А меня что-то дико задолбали эти сигареты. . .

«Тын-дын!» – звякнуло в кармане моих джинсов, я сунул туда руку и выудил новый телефон, стал тыкать в кнопки, чтобы просмотреть пришедшее сообщение.

– Телефон что ли купил!? – среагировал Сергей.

– Да, пока лечился! – кивнул я и добавил, что телефоны этой марки нравятся мне.

– Да, удобные телефоны у этой фирмы! – кивнул Сергей, полез рукой в сумку на поясе и выудил оттуда свой, задрывал нервно ногой. – У Верка хороший телефон, хоть и давно покупал его, но хороший, а этот. . .

Сергей нервно затыкал пальцем по кнопкам своего мобильного, насупился, выдал:

– Меню дурацкое, постоянно путаюсь, и настройки пока найдешь... Не удобный какой-то телефон, надо было тот покупать, подороже который был... а твой сколько стоит?

– Семь шестьсот, – сказал я. – Да там и лучше и дороже были, но я не стал тратиться сильно, зачем? Телефон до десятки, в принципе, нормально! Все функции нужные есть. А если дороже покупать, то это тупо переплата и одни понты!

– Да, неудобный телефон... – вздохнул Сергей, потыкав еще по кнопкам, сунул свой мобильник обратно в сумку. – Надо будет другой купить себе...

– Зачем!?! – уставилась недоуменно на мужа Вера, перестав печатать на клавиатуре.

– Вер, затем!! – рявкнул Сергей. – Не ты же с ним мучаешься! Ну, такой вот кривой он! Что, мне теперь с ним всю жизнь ходить!?

– Ой! – отмахнулась та и уткнулась обратно в монитор. – Делай, что хочешь!

– Вот я и делаю! – скрестил руки на груди Сергей, и шумно задышал раздувшимися от негодования ноздрями.

Его жена нервно застучала по клавиатуре. Возникла напряженная пауза.

– Вер, а заказ по парфюмерии еще так и не делали, да? – произнес я.

– Нет, Ром, не делали, – сдержанно произнесла та, не от-

рывая взгляда от монитора.

– Серый, ну че, может сделаем заказ пока? – перевел я взгляд на напарника.

– Да, давай, сделаем! – всплеснув руками, встрепенулся тот.

– Вер, ну, распечатай нам остатки по парфюмерии... – сказал я.

– Шас, Ром, – почти взяла себя в руки Вера, принтер ожил, засвистел и выдал лист.

– И все!?! – удивился я, уставившись в него. – О, да у нас вообще почти ничего нет!

– Уже две недели нет... – вставила тихо Вера.

– Серый, ну, садись сюда, рисуй заказ! – встал я, освобождая кресло за столом. – Ты в этом больше соображаешь, а потом вместе его утрясем...

Следующие полчаса мы готовили заказ.

– Ну на, посмотри еще раз своим взглядом! – протянул Сергей исписанный лист.

– Да вроде нормально... – сказал я. – Сколько тут по деньгам, давай, посчитаем.

– Триста двадцать тысяч! – увидев итог, вытаращился на меня удивленно Сергей.

– Неплохо так, – кивнул я, впечатлившись.

– И что, будем заказывать!?! – сильнее удивился Сергей, глядя на меня растерянно.

– Ну да, а че? – удивился уже я в свою очередь.

– Не, ну, не многовато? – с сомнением произнес Сергей.

– А почему многовато? Если мы посчитали, прикинули и нам столько нужно...

– Может, поменьше заказать? А то сумма большая вышла, – взял Сергей в руки лист с заказом, и тот затрясся в них как на ветру.

– А какая разница, какая сумма? – не понимал я смысла слов напарника. – Нам же нужен товар, спрос есть, мы прикинули и сделали заказ. Мы же лишнего не заказали!?

– Ну... – произнес Сергей и принялся пальцами нервно мять нижнюю губу.

– Да что – ну!?! – чуть завелся я, ощущая, будто завяз в диалоге как муха в варенье, получая на каждую свою четкую фразу размытые ответы. – Раз товар нам нужен, то надо его заказывать в том количестве, в каком продается! Че тут непонятного!?

Сергей продолжал мять губу, сжимая ее пальцами одной руки с боков. Отчего губа то выпячивалась серединой вверх, то проваливалась вниз меж пальцев.

– Зачем мы будем заказывать меньше!?! Привезем товар, раскидаем по базам и все, снова пустой склад!?! Нужен же запас хотя бы на неделю! Вот мы и закажем на две недели. Отсрочка у нас в две недели. Мы к концу второй уже и деньги с первой недели получим...

Губа Сергея, жирной гусеницей извиваясь меж пальцев, выгнулась вверх и замерла.

– Блять, Серый, че ты с губами делаешь!!?? – поморщился непроизвольно я.

Тот, встрепенулся от задумчивости, смутился и убрал руку. Губы Сергея обмякли и обиженно выпячено повисли на лице.

– Ну да... – произнес он.

– Поэтому, я думаю, надо заказывать столько, сколько надо! – закончил я.

– Да, Роман! – выдохнул облегченно и будто чуть обиженно Сергей. – Хорошо! Так и закажем... Вер, на, отправь заказ...

Он протянул лист жене, тот снова затрясся в его руке. Вера взяла лист и принялась за работу. Сергей в задумчивости покрутил в руках авторучку, при этом снимая и надевая ее колпачок. Шмыгнул носом. Пару минут в комнате было тихо.

– То есть ты думаешь, денег у нас хватит и мы, чип че, сможем оплатить этот заказ? – посмотрел на меня Сергей.

– А че тут думать то!?! – удивился вновь я. – Это простая арифметика! Мы же знаем скорость продаж, заказали товар ровно на две недели, он за это время и уйдет!

– А если не уйдет, ну, скажем, уйдет за три!?! – стал пытал меня своими сомнениями Сергей. Преодолевая липкость его нерешительности, я снова начал злиться.

– Ну, уйдет за три, так за три! Блять, какая разница!?! – резко выдал я.

– Ну, не скажи... – протянул Сергей, словно нащупал для жижи своих сомнений опору. – Деньги придется отдавать, а товар еще не продан!

– У нас есть деньги! Мы зарабатываем! Отдадим с заработанных, че за проблема!?

– То есть, ты думаешь, что у нас сейчас достаточно денег? – снова принялся жевать губу Сергей.

– Я не думаю, я знааааю! – подался я вперед, не сдержав повышения голоса.

– Ааа... знаешь... – закивал Сергей головой. – А откуда ты знаешь!?

– Серый! – вытаращился я на напарника, смотря на того, как на кретина, абсолютно сбитый с толку то ли игрой, то ли всерьез произносимыми фразами. – Я отчеты смотрю! Вера же нам каждый месяц печатает отчеты... Ты в курсе!?

– Ну, – произнес тот.

– Ну, вот тебе и – ну! Ты же их смотришь или нет!? – сверлил я Сергея взглядом.

– Ну, – снова произнес тот, будто продвигаясь в разговоре ощупью. – Ну, смотрю...

– А чего ты тогда спрашиваешь, есть ли у нас деньги на эту закупку или нет!? Там все написано! Надо знать финансовое состояние своей фирмы!

Сергей задумчиво и молча смотрел на меня несколько секунд, затем встрепенулся и произнес всего лишь «ну, понятно...» и шумно выдохнул.

Тут в дверь постучали – приехал Алексей Семенович, привез товар. Его появление спасло наш с Сергеем диалог от неудобного финала. Суета с приемом товара приблизила время обеда. Мы с Сергеем поехали за едой в поселок. Обед вышел простым – бутерброды с колбасой и чай. Съев свою долю и уже попивая чай вприкуску с сахаром, Сергей сказал:

– Роман, а ты сколько тогда денег отдал за кафе на свой день рождения?

– Тыщ пять, по-моему! – ответил я, покопавшись в памяти. – А че?

– Да у меня ж день рождения скоро... – надкусил сахар и отхлебнул чай Сергей.

– Ого! Я и не знал, а когда!? – ответил я, следом тоже хлебнув чаю.

– Первого декабря... – сделал глоток Сергей снова.

– И сколько ж тебе...? – слово «исполнится» потонуло в моем чае.

– Тридцать три... Возраст Христа... – грызнул сахар Сергей и захлопал чаем.

– О! Да! Возраст красивый... – вгрызся и я в свой кусок рафинада.

– В субботу отмечать буду... – сказал Сергей и назвал кафе. – Знаешь?

– Не... а, да! Знаю! Это в центре около стадиона...

– Аха, да, там... На шесть вечера заказал большой отдельный стол... был там!?

– Не, не был... а кто будет еще?

– Ты, брат мой Ромка... – Сергей откинулся в кресле, вздохнул и принялся загибать пальцы. – Вера, Мелёха с Дашкой, Федот с женой и Витька Бутенко с женой.

– Ну, Ромку твоего и Мелёху я знаю, так что будет с кем поговорить, – сказал я.

– Ну да, – кивнул Сергей, – с остальными познакомишься, это мои давние друзья. У Федота свой молочный завод. Прикинь, отсидел пять лет, вышел и купил сразу завод!

– Ого! – хмыкнул я, задрал брови. – Нормальный такой способ заработка!

– Аха! – гоготнул Сергей. – А Витька китайскими машинами торгует, продает их у нас в городе. Кто их покупает, не знаю. Машины все сыпятся, ломаются, такое гамно...

– Вообще, он правильно делает! – обдумал я сказанное. – Мы тоже сначала с батей брались за все подряд, лишь бы товар давали... да, говно, но деньги то заработать можно! Я думаю, Витька твой примерно тем же и занимается.

– Ну, вообще-то да! – закивал Сергей, жевнул уголки губ.

– Тем более, это сейчас китайские машины – говно, а лет через пять, они научатся их собирать, качество вырастет, а у Витьки уже, хоп – своя фирма по продажам китайских авто! И бизнес поперет!

Сергей молчал, слушал, внимательно смотря на меня.

– У корейцев же то же самое было. Первые машины были ужасные, а сейчас уже их охотно покупают! А раньше,

вспомни, говорили – фу, корейские, да это же говно!

– Ну да, – буркнул Сергей.

Я замолк. Сергей глядел на меня пристально еще секунд несколько, после задрыгал коленкой, посмотрел на свои руки, беспокойно крутящие авторучку, и тяжело вздохнул.